

Т. А. Рассадина

**ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений притязаний молодежи в России в целом за последние почти три десятилетия, а также изучению их некоторых региональных особенностей.

Ключевые слова: социальные притязания, уровень притязаний, социальные притязания молодежи, изменения социальных притязаний российской молодежи.

Т. А. Rassadina

**TENDENCIES TOWARDS CHANGES IN SOCIAL ASPIRATIONS
OF MODERN RUSSIAN YOUTH**

Abstract. The article is devoted to the analysis of changes in aspirations of the Russian youth integrally in the last 30 years, as well as to the study of certain regional peculiarities of the changes.

Key words: social aspiration, aspiration level, youth social aspirations, changes in social aspirations of modern Russian youth.

Российский социальный транзит зафиксировал революционные изменения реально формулируемых людьми притязаний, неузнаваемо изменивших российского человека. Эти изменения коснулись представителей всех без исключения социальных групп, молодежи особенно. Новое качество притязаний, амбиций личности необходимы современному молодому человеку для того, чтобы адаптироваться в мире и быть успешным. Масштаб потребностей, притязаний, целей сегодня – это показатель масштаба личности, меры возможностей ее самореализации в современной жизни, ее цены. Новые молодежные практики во многом являются реакциями на увеличение риска во всех сферах современной жизни. Ситуации риска стимулируют развитие индивидуализма как основной «достижительской» стратегии. Множатся представления об успехе и приемлемых путях его достижения. Современная российская молодежь стала одним из самых активных и властных социальных субъектов. От ее экономического, политического и культурного выбора во многом зависит развитие общества. Очевидно и другое, что модернизационные процессы в России невозможно осуществить без активных, целеустремленных, мобильных и достаточно притязательных молодых людей.

В целом процессы, происходящие в динамике притязаний молодежи, не имеют аналогов или образцов в прошлых поколениях.

Феномен притязаний непрост, это социальный и психологический феномен.

Понятие «притязание» имеет различные трактовки. Так, согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова это слово имеет три значения: 1) требование, предъявление своих прав на что-нибудь; 2) настойчивое, навязчивое стремление к чему-нибудь; 3) претензия, стремление добиться признания чего-нибудь [1]. В толковом словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова,

Н. Ю. Шведовой термин «притязание» толкуется, с одной стороны, как «стремление получить что-нибудь, предъявление своих прав на что-нибудь», с другой – как «необоснованное стремление добиться признания, одобрения» [2].

В рамках психологической традиции сложился богатый опыт экспериментальных исследований и теоретических обобщений феномена притязаний (формула самооценки У. Джеймса, согласно которой самооценка равняется успеху, поделенному на притязания; введение понятия «уровень притязаний» и предложение методики его исследования К. Левиным и др.). Притязания рассматриваются как одна из важнейших характеристик личности, обуславливающих ее активность, детерминирующих многие эмоциональные процессы, способные не только определять поведение человека, но и формировать черты его характера. Уровень притязаний В. Н. Мясищев представляет как ряд качественно-количественных показателей, которым должна удовлетворять, с точки зрения исследуемого лица, его производительность [3, с. 109]; Б. Г. Ананьевым связывается с оценочными потребностями личности [4, с. 34]; по утверждению В. С. Мерлина, отражает степень оценки, в которой нуждается человек, чтобы быть удовлетворенным [5, с. 61].

Большой интерес к феномену проявили социологи. Так, Э. Дюркгейм, размышляя о справедливом неравенстве, приходит к выводу, что это «представление о справедливости того уровня возможности удовлетворения потребностей, которого достиг человек, будет ограничивать его притязания на неограниченные по своей природе возможности потребления» [6].

Р. Мертон в концепции социальной аномии пишет о непрекращающейся конкурентной борьбе, которая вызывает острое беспокойство индивидов по поводу своего статуса. Одним из способов уменьшения этого беспокойства он называет постоянное снижение уровня притязаний [7].

М. Вебер использует понятие «притязание на законность», позже выделяет понятие «притязание» для обозначения социального статуса, который он определил как «реальные притязания на позитивные или негативные привилегии в отношении социального престижа, на основе трех критериев: образа жизни, формального образования и престижа рождения или профессии» [8].

П. Бергер указывает на наличие у человека «сложной сети мотивов, тысячами нитей связанных со всей институциональной структурой, внутри которой человек проводит свою жизнь, с классом, карьерой, материальными притязаниями, стремлением к власти и престижу...» [9].

П. Штомпка характеризует современную личность как независимую от традиционных авторитетов, внимательную к общественным проблемам, устремленную к будущему, верящую в науку и разум, как индивидуальность «с высоким уровнем образовательных, культурных и профессиональных притязаний» [10, с. 174].

Таким образом, социальные притязания как стремление к достижению цели той степени сложности, на которую человек считает себя способным, является важным компонентом направленности личности.

Отношение к феномену притязаний было и остается разным.

Тысячелетиями человечество жило по заповедям, согласно которым биографии каждого человека во многом повторяли стандарты биографического нормотворчества, принятого в поколениях «отцов». В то же время регулярно воспроизводилось и индивидуальное завышение критериев биографического проекта, оно оседало в культуре, задавало динамику цивилиза-

ции. Установка на возвышение притязаний выражена в одной из песен древнегреческого поэта Пиндара, для которого быть значило прежде «быть заметным». Нереалистические проекты табуировались. Но никакими средствами, разумеется, невозможно было избавиться от нарушающих всякую меру жизненных грез, фантазий, мечтаний, в которых отражались притязания человека.

Раннее христианство с помощью концепции «греховности» пыталось урезать чрезмерные притязания личности, по крайней мере те из них, которые, как тогда казалось, происходили из главного смертного греха – человеческой гордыни: «Не рвись быть Зевсом: у тебя есть все. Смертному – смертное!». Максима, выраженная в этих словах, стала своего рода кодексом жизненного притязания человека западно-христианского мира. К максиме прислушивается и человек традиционный, и человек современный. В модернизационном процессе, несмотря на фундаментальные отличия между субъектностью традиционного и современного типа, существует приблизительно одна и та же нормативная система, регулирующая жизненные притязания.

Даже в Советском Союзе мера «смертному – смертное» имела вполне конкретное содержание, обладала легитимной силой табуирования любых сверхпритязаний. Советский человек должен был отличаться притязательной простотой, аскетическим самоограничением экономических потребностей, признанием зависимости от институтов власти, установкой на малые радости в жизни. Иначе он вступал в противоречие с канонами советской культуры.

В эпоху модернизации формируется феномен ненасытности потребительских запросов современного человека. Во второй половине XX столетия в текст науки прочно вошло понятие «потребительский этос». Потребительские стимулы и запросы в современном обществе растут постоянно. Удовлетворить запросы человека в потреблении в принципе невозможно. Потребительские интересы формируются быстрее социальных возможностей их удовлетворения. Потребительская ненасытность носит предельно общий характер, имплицитно включает в себя ненасытность любых и всех одновременно потребностей.

Д. Лернер в 1950-х гг. предложил концепцию «революции возрастающих ожиданий», в которой содержится гипотеза о том, что любое общество, переходное от традиционного состояния к современному, неизбежно формирует субъектность внезапно возросших притязаний. Согласно Лернеру, становление современного («модернистского») «Я» неизбежно начинается с преодоления запретов на свободу биографического проектирования.

Мы действительно вступаем в новую эпоху торжества принципа индивидуального планирования собственной жизни. Рефлексирующий постсовременный человек, в принципе, может выбирать для себя буквально все, что он пожелает, включая степень его вовлеченности в социальную жизнь, семейные функции, сексуальную идентичность, этническую принадлежность. Фактически в обществе не осталось никакой сферы, в которой бы табуировалась свобода биографического проектирования. Каждый выбирает свою биографию из широкого спектра возможностей, выбирает свою социальную идентичность, равно как и берет на себя ответственность за риски подобного выбора.

В СССР взлет профессионально-должностных и потребительских притязаний фиксируется с конца 1980-х гг. Объясняется это глубокими изменениями в социально-культурных, экономических и политических основах

жизни бывшего советского общества. Возникали новые ресурсы, которые способствовали реализации новых уровней достижения, отменялись многие социальные ограничения, формировались новые социальные нормы, предписывающие высокий уровень притязаний.

Исследования В. С. Магуна, М. В. Энговатова [11] убедительно продемонстрировали, что на протяжении первой половины 90-х гг. XX в. общий уровень притязаний старшеклассников значительно вырос, причем в Москве этот рост был статистически значимым. Подавляющее большинство выпускников школ соглашалось с тем, что «всегда надо стремиться к большему: чем выше ставишь для себя планку, тем большего достигнешь в жизни и больше получишь от нее», отвергая при этом альтернативные нормы скромности и аскетизма.

В 1995 г. эмпирические исследования зафиксировали, что «революция притязаний» затронула не только столицы, но и провинцию. Формировались и новые социальные нормы, предписывающие высокий уровень притязаний. Прежде всего «вырвались» на свободу и резко усилились индивидуалистически ориентированные потребности людей, поскольку по контрасту с советским обществом происходила общая переориентация системы ценностных доминант с публичной на приватную сферу.

Во второй половине 1990-х гг. произошла стабилизация уровня притязаний молодежи, а частично даже его снижение. Происходит коррекция реальностью. На изменение общественных настроений повлияло множество больших и малых событий. Важнейшее из них – финансовый кризис 1998 г., заставивший как элиты, так и массовые слои населения остро осознать барьеры и ограничения.

Представления молодежи о возможных уровнях достижений изменились мало, но изменениям подверглись представления о возможностях воплощения этих притязаний. Появилось более трезвое осознание барьеров, ограничивающих возможные достижения как общества в целом, так и отдельных его членов. В целом сформировалось представление о гораздо более медленной, чем ожидалось, скорости позитивных изменений, «тяжкой медлительности исторического движения», по формуле российского социолога Л. А. Гордона. Есть инерция социальных процессов в ответ на невиданное доселе социальное ускорение. Вообще есть человеческий предел, собственные ограничения.

Исследования свидетельствуют о том, что в 2000-х гг. в Москве статистически значимых изменений в обобщенном уровне притязаний не произошло, хотя имел место процесс динамичного экономического роста. Вероятно, притязания молодых людей достигли некоторого устойчивого уровня, с которого их могут сдвинуть только какие-то чрезвычайные события. Но даже в моменты, когда уровень притязаний снижался или был умеренным, его возврата к значениям, характерным для «доперестроечной» молодежи, не произошло.

Наряду с этой тенденцией динамики обобщенного индекса притязаний, наблюдались различия в разных городах, а также некоторая разновекторность в изменениях отдельных составляющих притязаний.

Так, общественно ориентированные притязания менялись несколько по-иному. За подобными притязаниями стоят ориентации на общественно значимые достижения. К началу 1990-х гг. эти притязания, вопреки общей тенденции, не повышаются, а снижаются: сокращается доля тех, кто стремится

ся к публичному признанию («широкому общественному признанию» и «всеобщему почету и уважению, признанию потомков»). Молодежь не особо интересуется сфера власти. И наоборот, растет доля тех, кто готов ограничиться признанием и уважением в приватной сфере (со стороны «семьи, близких, друзей» и «большого круга знакомых»), хотя их устойчивый рост в Москве, возможно, свидетельствует о постепенном становлении новых механизмов общественного признания – на основе новых эталонов оценки достижений и новых форм социального вознаграждения за эти достижения.

Вместе с тем социальные условия в новейшую историю России усилили процессы дифференциации молодежной среды в целом и в регионах и, безусловно, отразились на притязаниях молодых людей.

Анализ системы социальных притязаний современной провинциальной российской молодежи показывает доминирование в ней материальных притязаний. Это понятно и объяснимо.

Малообеспеченность в России концентрируется сегодня не столько в слоях, различающихся уровнем своей квалификации, сколько в так называемой «малой России» с ее узким и депрессивным рынком труда, вынуждающим соглашаться на ту работу и на ту зарплату, которую предлагают, и где развитый человеческий капитал в массовом масштабе пока не востребован. Об этом говорят объективные показатели материального положения. Уровень среднедушевого денежного дохода населения в подавляющем большинстве российских регионов в разы отстает от среднероссийских показателей.

По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) за 2010 г., 35 % москвичей от 18 до 30 лет зарабатывают больше 20 тыс. руб. в месяц. В других городах таких счастливиц ровно в четыре раза меньше. Доходы ниже 12 тыс. руб. имеют 46 % молодых россиян и только 15 % молодых граждан столицы [12].

Наши исследования, выполненные в Ульяновской и Саратовской областях в 2010 г. [13], показывают, что по субъективным оценкам материального положения семьи самая большая группа – те, кто могут «время от времени покупать какие-то крупные вещи, но только самые необходимые» (51,4 %); «могут позволить себе многое, но роскошь не доступна» – 30,3 %; «могут купить все, что захотят» – 5,8 %; «денег хватает только на еду, но покупать одежду не можем» – указывают 10,1 % респондентов; «денег не хватает даже на еду» – 2,4 % опрошенных.

Исследования, проводимые в регионах, демонстрируют как наиболее распространенные в адаптационных моделях поведения типы «выживающих» и «адаптированных». Для них характерны установки на терпение, постепенные положительные изменения в рамках социального института и минимум творчества. Модель «активная адаптация» используется не более чем пятой частью населения, для нее характерны энергичный поиск возможностей успеха, открытость новому, достигательный характер стратегии поведения.

Материальные притязания молодежи находятся в зависимости от образования, занятости, денежного дохода в семье, гендерной принадлежности и т.п. Любопытны корреляции материальных притязаний с чертами личности: чем выше уровень материальных притязаний молодого человека, тем ярче выражены у него такие качества, как объективность, логичность, критичность, беспристрастность, общительность, склонность к взаимодействию

с другими людьми; чем ниже уровень материальных притязаний, тем более свойственны эмоциональность, субъективность, мягкосердечие, сочувствие и сострадание, замкнутость, узкий круг социальных контактов, тяга к одиночеству, немногословность, сдержанность [14, с. 117–118].

Изучение уровня притязаний как индивидуального, так и коллективного субъекта очень непросто. Ключевой вопрос: каковы конкретные показатели, критерии оценки, характерные для каждого выделенного уровня? Высока субъективность оценок.

Ю. А. Левада в одной из своих статей, выполненных на основе широких исследований, писал, что «нормальным» населению представляется доход в три-четыре раза больше, а «минимальным» (прожиточный минимум) – раза в полтора больше нынешнего. По данным РОМИР от 20 апреля 2012 г., опрошенные утверждают: «...чтобы ни в чем себе не отказывать, нужно зарабатывать 300 тыс. руб. в месяц на семью из трех человек».

Главный ресурс в достижении успеха молодежь видит прежде всего в личной активности и обеспечении конкурентоспособности. Это, безусловно, привлекательная позиция. Нынешнее поколение создало целый арсенал достижительных практик, связанных с получением качественного образования, быстрой профессиональной социализацией уже в годы учебы.

Феномен притязаний тесно связан с процессом их реализации, что выводит на оценку их адекватности–неадекватности. Однако такие оценки давать еще труднее. Адекватность–неадекватность объективно сложно доказывать, тем более в рамках социологических исследований. Слишком много факторов как внешних, так и внутренних влияют на это.

Главное же, пожалуй, заключается в том, что буквально везде модернистский потребительский этос усваивается несравненно быстрее и фундаментальнее «духа демократического капитализма» – трудового этоса, предпринимательских «правил честной игры», этоса политико-демократического соучастия, кредо правового государства и т.п.

Жизнь по принципу «здесь и теперь», трансформация или утрата многих традиционных ценностей, да и просто возрастной максимализм зачастую формируют завышенные, неподкрепленные способностями, возможностями, волей, деятельностью (в том числе, трудовой, учебной) притязания у молодежи. Излишек желаний порождает недостаток умений.

Реакция наблюдателей на рост притязаний молодежи, как правило, тяготеет к тезисам двух типов.

Первый – «Бедные дети! Какое их ждет разочарование!». Конечно, риск разочарований и фрустраций – неизбежная плата за высокие притязания, но не менее очевидно и другое: пока у молодых людей не будет высоких запросов и притязаний, не будет и высоких достижений. Сегодня, скорее, недостаточная амбициозность является серьезным тормозом индивидуально- и общественного развития.

Второй тезис – «Побеждает аморализм!». Довольно широко распространено убеждение, что молодые люди, достигающие успеха в реализации собственных притязаний, делают это «не теми» средствами, часто пренебрегая нормами морали.

В целом притязания молодежи, несмотря на их разновекторность и колебания, очевидно, невысокие, особенно в регионах.

Так, в исследовании А. А. Зинина, проведенном среди старшеклассников и студентов, отвечая на вопрос «Какая сумма Вам необходима в месяц для достойного уровня жизни?», сумму выше 14716 руб. указали 50,4 % старшеклассников и 48,0 % студентов. В интервью работающей молодежи в высокой степени типичным оказался ответ: «Моей зарплаты в 15 тысяч рублей вполне достаточно для меня одного... Однако если у меня будет семья и родится ребенок, возможно, и 50 тысяч будет не достаточно» [15].

Почему происходит занижение уровня притязаний? Притязания снижаются в условиях невозможности в полной мере реализовать себя и осуществить желаемое. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), только 3–4 % респондентов в ряде исследований последних лет указали, что их заработки зависят от собственного труда; остальные ссылались на внешние, государственные силы, правительство, начальство, положение предприятия и т.д. Значительная часть населения испытывает неуверенность в завтрашнем дне. Возникает «заколдованный круг» нереализованных возможностей, установок на «гарантии» и готовности довольствоваться «малым». Отсюда и стабильность установки на небольшой, но гарантированный заработок, который неизменно оказывается заметно более предпочтительным, чем хорошо оплачиваемая, но напряженная работа или риск ведения собственного дела. Такой вариант в интервью выбирают около 60 % опрошенных.

Когда люди стремятся повысить свой статус, общественный или потребительский, они не просто отталкиваются от «середины», но обычно имеют перед глазами некоторый «повышенный» образец (интересов, благосостояния и пр.). Носителем такого образца выступает либо отечественная элита, либо, особенно в процессах модернизации, влиятельная зарубежная «середина».

В современных российских условиях элита слаба, не способна задать образцы, которые были бы востребованы обществом. Наша элита (по крайней мере ее наиболее близкая к среднему человеку часть, «социальная элита», т.е. образованные люди массовых профессий – специалисты) действует в том же «заколдованном кругу». А элита «далекая» (в смысле удаленности от среднего уровня по претензиям, возможностям и доступу к благам) уже по одному этому положению все-таки по-прежнему вызывает скорее массовое раздражение, чем стремление следовать ее образцу жизни. Однако федеральные исследования (М. К. Горшков неоднократно об этом сообщал), да и региональные показывают, что за последние годы наши сограждане как будто привыкли относиться к людям состоятельным, недавно разбогатевшим довольно терпимо, хотя и с завистью.

Человек «простой» (точнее, «упрощенный»), ограниченный в своих притязаниях и реакциях, был и остается массовой опорой социальной инерции. Именно он занимает самую стабильную, наименее рискованную «нишу» на нашем общественном поле.

Для работающей молодежи наиболее характерен ритуализм как тип адаптационного поведения в терминологии Р. Мертона. Полагаю, что это действительно очень типично для провинции. Многие предпочитают «не высовываться». Командно-административные авторитарные методы управления, широко распространенные в провинции, угроза безработицы и увольнения сковывают стремления молодых людей к продвижению вперед, вверх в общественной иерархии. К сожалению, эти образцы в провинции нередко

перенимает и инициативная молодежь. Рутинный распорядок воспроизводится. Круг вновь замыкается.

Американский ученый Д. Дэвис высказал гипотезу о тесной связи между ростом притязаний населения и социальной революцией. Он полагал, что повышение притязаний и запросов людей (вкуче с падением уровня удовлетворения этих потребностей) является одной из важных психологических причин, ведущих к социальной революции.

Исследование социальных притязаний как объективно-субъективного феномена, имеющего массу проявлений даже в строго заданных сферах, отнесение претензий к различным уровням, определение факторов, их формирующих, возможностей реализации, их оценка – процесс непростой. Но логика развития обобщенного уровня притязаний молодых людей, а также притязаний в отдельных сферах позволяет предположить, что, вероятно, кардинальных изменений в регионах, по крайней мере в ближайшее время, все-таки не предвидится.

Список литературы

1. **Ушаков, Д. Н.** Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков ; под ред. Т. Никитиной. – М. : Альта-Принт, Дом. XXI век, 2009. – 1248 с.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
3. **Мясищев, В. Н.** Психология отношений. Избр. психол. труды / В. Н. Мясищев ; под ред. А. А. Бодалева. – М. : Ин-т практ. психол., 1995. – 356 с.
4. **Ананьев, Б. Г.** Избранные психологические труды : в 2 т. / Б. Г. Ананьев. – М. : Педагогика, 1980. – Т. 1. – 230 с.
5. **Мерлин, В. С.** Проблемы экспериментальной психологии личности / В. С. Мерлин. – Пермь, 1968. – 102 с.
6. **Дюркгейм, Э.** О разделении общественного труда: Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991. – 572 с.
7. **Мертон, Р.** Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности. – М. : Прогресс, 1966. – С. 299–313.
8. **Вебер, М.** Основные понятия стратификации // А. И. Кравченко. Социология Макса Вебера. Труд и экономика. – М. : На Воробьевых, 1997. – С. 162–180.
9. **Бергер, П.** Социология как способ времяпрепровождения / П. Бергер. – М., 2010. – URL: <http://socioline.ru/pages/p-berger-sotsiologiya-kak-sposob-vremyapreprovozhdeniya>
10. **Штомпка, П.** Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
11. **Магун, В. С.** Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи (1985–2005 годы) / В. С. Магун, М. В. Энговатов // Отечественные записки. – 2006. – № 3. – С. 76–96.
12. Молодежь московская особая. – М., 2011. – URL: <http://www.mk.ru/social/article/2011/06/01/594099-molodezh-moskovskaya-osobaya.html>
13. **Рассади́на, Т. А.** Человек в условиях «общества риска»: социологические этюды о российской провинции : моногр. / Т. А. Рассадина. – Ульяновск : УлГУ, 2012. – 204 с.
14. **Багдасарьян, Н. Г.** Послевузовские ожидания студенческой молодежи / Н. Г. Багдасарьян, А. А. Немцов, Л. В. Квансузян // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 117–118.
15. **Зинин, А. А.** Социальные притязания современной молодежи в региональном социуме : дис. ... канд. соц. наук / Зинин А. А. – Саранск, 2012.

References

1. **Ushakov, D. N.** Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka / D. N. Ushakov ; pod red. T. Nikitinoy. – M. : Al'ta-Print, Dom. XXI vek, 2009. – 1248 s.
2. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. S. I. Ozhegova, N. Yu. Shvedovoy. – M. : ITI Tekhnologii, 2006. – 944 s.
3. **Myasishchev, V. N.** Psikhologiya otnosheniy. Izbr. psikhol. trudy / V. N. Myasishchev ; pod red. A. A. Bodaleva. – M. : In-t prakt. psikhol., 1995. – 356 s.
4. **Anan'ev, B. G.** Izbrannye psikhologicheskie trudy : v 2 t. / B. G. Anan'ev. – M. : Pedagogika, 1980. – T. 1. – 230 s.
5. **Merlin, B. C.** Problemy eksperimental'noy psikhologii lichnosti / V. S. Merlin. – Perm', 1968. – 102 s.
6. **Dyurkgeym, E.** O razdelenii obshchestvennogo truda: Metod sotsiologii / E. Dyurkgeym. – M. : Nauka, 1991. – 572 s.
7. **Merton, R.** Sotsial'naya struktura i anomiya / R. Merton // Sotsiologiya prestupnosti. – M. : Progress, 1966. – S. 299–313.
8. **Veber, M.** Osnovnye ponyatiya stratifikatsii // A. I. Kravchenko. Sotsiologiya Maksa Vebera. Trud i ekonomika. – M. : Na Vorob'evykh, 1997. – S. 162–180.
9. **Berger, P.** Sotsiologiya kak sposob vremyapreprovozhdeniya / P. Berger. – M., 2010. – URL: <http://socioline.ru/pages/p-berger-sotsiologiya-kak-sposob-vremyapreprovozhdeniya>
10. **Shtompka, P.** Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy / P. Shtompka. – M. : Aspekt Press, 1996. – 416 s.
11. **Magun, V. S.** Dinamika prityazaniy i izmenenie resursnykh strategiy molodezhi (1985–2005 gody) / V. S. Magun, M. V. Engovatov // Otechestvennye zapiski. – 2006. – № 3. – S. 76–96.
12. Molodezh' moskovskaya osobaya. – M., 2011. – URL: <http://www.mk.ru/social/article/2011/06/01/594099-molodezh-moskovskaya-osobaya.html>
13. **Rassadina, T. A.** Chelovek v usloviyakh «obshchestva riska»: sotsiologicheskie etyudy o rossiyskoy provintsii : monogr. / T. A. Rassadina. – Ul'yanovsk : UIGU, 2012. – 204 s.
14. **Bagdasar'yan, N. G.** Poslevuzovskie ozhidaniya studencheskoy molodezhi / N. G. Bagdasar'yan, A. A. Nemtsov, L. V. Kvantuzyan // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2003. – № 6. – S. 117–118.
15. **Zinin, A. A.** Sotsial'nye prityazaniya sovremennoy molodezhi v regional'nom sotsiume : dis. ... kand. sots. nauk / Zinin A. A. – Saransk, 2012.

Рассадина Татьяна Анатольевна

доктор социологических наук, доцент,
профессор, кафедра связей
с общественностью, Ульяновский
государственный университет
(г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42)

E-mail: t.rassadina@mail.ru

Rassadina Tat'yana Anatol'evna

Doctor of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of public relations, Ulyanovsk State
University
(Ulyanovsk, 42 L. Tolstogo str.)

УДК 316

Рассадина, Т. А.

Тенденции изменений социальных притязаний современной российской молодежи / Т. А. Рассадина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 79–87.